

М.Б. Елисеев

• **НАШЕСТВИЕ** •
БАТЯ
НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ
РУСЬ

Михаил Борисович Елисеев

Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь

Серия «Ратная история Руси»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34346944

Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь: Вече; Москва; 2017

ISBN 978-5-4484-7116-2

Аннотация

За исключением Великой Отечественной войны, монгольское нашествие – пожалуй, самая страшная и кровавая страница в нашей истории. В XIII веке случилась катастрофа, последствия которой сказываются до наших дней. Мощнейшая держава, которой в то время являлась Владимиро-Суздальская Русь, чья культура вознеслась на невиданную высоту, а дружины могли «Волгу вёслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать», рухнула в течение трёх месяцев под копыта монгольских орд. Не только для простых людей того времени, но и для элиты, как духовной, так и светской, подобное крушение основ, казавшихся незыблемыми, требовало переосмысления и понимания. Привычный мир рухнул, и рухнул навсегда. Это воспринималось как конец света, как гнев Божий на Русскую землю, посланный свыше за многочисленные грехи не только князей, но и всего

народа. Жизнь русских людей чётко разделилась на ДО и ПОСЛЕ нашествия. Опираясь на свидетельства как отечественных, так и зарубежных письменных источников, привлекая многочисленные археологические данные, М. Елисеев постарался как можно подробнее осветить картину похода Батые на Северо-Восточную Русь.

Содержание

Предисловие	6
I. «Пришел безбожный царь Батый на Русскую землю...»	9
1. «Князья грозные»	9
2. «Пришли безбожные измаильтяне, которые раньше бились с русскими князьями на Калке...» Осень 1237 г.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михаил Елисеев

Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь

© Елисеев М.Б., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Посвящается памяти Елисеева Николая Акимовича, сержанта, командира отделения 51-го особого разведывательного батальона 20-й армии, Елисеева Валентина Акимовича, курсанта Псковской артиллерийской школы, Нархуноса Бронислава Антоновича, лейтенанта, командира роты 666-го стрелкового полка – моих родственников, павших на фронтах Великой Отечественной в 1941 году

Предисловие

Монгольское нашествие – это, пожалуй, самая страшная и кровавая страница в нашей истории, за исключением Великой Отечественной войны. И если в Смутное время народ нашёл в себе силы собраться и справиться с иноземной угрозой, то в XIII веке этого не произошло. Именно тогда случилась катастрофа, последствия которой сказываются до наших дней. Мощнейшая держава, которой в то время являлась Владимиро-Суздальская Русь, чья культура вознеслась на невиданную высоту, а дружины могли «Волгу вёслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать», рухнула в течение трёх месяцев под копыта диких монгольских орд. Не только для простых людей того времени, но и для элиты, как духовной, так и светской, подобное крушение основ, казавшихся незыблемыми, требовало переосмысления и понимания. Привычный мир рухнул, и рухнул навсегда. Это воспринималось как конец света, как гнев Божий на Русскую землю, посланный свыше за многочисленные грехи не только князей, но и всего народа. Жизнь русских людей чётко разделилась на ДО и ПОСЛЕ нашествия.

О причинах такой невиданной катастрофы историки спорят до сих пор. Версии выдвигаются самые разные, но не все они верно отражают положение дел. Например, прочно въевшийся в сознание миф о княжеских междоусобицах, как

о причинах поражения русских войск, явно не состоятелен. Это особенно заметно при внимательном изучении материала. После битвы на Липице в 1216 году до нашествия Батые прошло 20 лет, и за это время на территории Владимиро-Суздальской земли не было ни одной усобицы. Там вообще выросло поколение, которое не знало, что это такое.

С другой стороны, объяснять всё численным преимуществом орды тоже не корректно. Просто Батый и его полководцы очень грамотно спланировали вторжение и всегда могли в нужное время и в нужном месте обеспечить превосходство в живой силе. И бить русские войска по частям.

Нельзя сбрасывать со счета и техническое превосходство монголов. Их осадной технике русские ничего не могли противопоставить. Поэтому бревенчатые укрепления городов были не в состоянии выдержать массированных атак кочевников. Военные инженеры, сокрушившие каменные цитадели Хорезма, не испытывали проблем при штурме деревянных городов Северо-Восточной Руси.

Немалое значение имели тактические и стратегические ошибки, которые были допущены русским командованием. Непродуманное и эмоциональное решение рязанского князя атаковать орду Батые не дождавшись суздальских полков, имело катастрофические последствия для всей Северо-Восточной Руси. Остальное было только следствием этой роковой ошибки.

В данной работе я постарался как можно подробнее осве-

титу картину похода Батыя на Северо-Восточную Русь, опираясь на свидетельства как отечественных, так и зарубежных письменных источников. Привлекая при этом археологические данные и где возможно те сведения, которые сообщают местные краеведы. Ведь и в народных преданьях сохранилась масса интереснейшей информации по данной теме.

I. «Пришел безбожный царь Батый на Русскую землю...»

1. «Князья грозные»

О, светло светлая

и прекрасно украшенная,

земля Русская!

Многими красотами прославлена ты:

озерами многими слависься, реками

и источниками местнотчимыми, горами,

крутыми холмами, высокими дубравами,

чистыми полями, дивными зверями,

разнообразными птицами,

бесчисленными городами великими,

селениями славными, садами монастырскими,

храмами Божьими и князьями грозными,

боярами честными, вельможами многими.

Всем ты преисполнена, земля Русская,

о правоверная вера христианская!

Повесть о гибели Русской земли

На северо-востоке Русской земли, «за лесами на полночь» раскинулись обширные земли Рязанского княжества. Граничила на западе Рязань с Черниговом, на севере с владениями суздальских князей, на востоке с мордовскими племенами,

а на юге со степью. Именно это соседство и сказалось на характере жителей Рязанской земли, поскольку были они воинственные и бесстрашные, опытные в ратном деле, *«удальцы, и резвцы, узорочье рязанское»*. Именно так именуется их «Повесть о разорении Рязани Батыем». Дружины у местных князей были в битвах и сечах испытанные, к бою всегда готовые, поскольку именно на них лежала охрана рязанских рубежей от набегов из степи. Жители княжества знали, как бороться против этой угрозы, знали, что и как надо делать во время половецких набегов. Поэтому постоянное напряжение, в котором по идее они должны были бы пребывать, практически не сказывалось на их жизни, ибо были эти люди ко всему привычные.

Некогда Рязанская земля входила в состав Черниговского княжества, но в XII веке начала постепенно освобождаться от этой зависимости. У сына Ярослава Мудрого, черниговского князя Святослава было пять сыновей – Глеб, Роман, Давыд, Олег и Ярослав, названный так в честь деда. Глеб, будучи новгородским князем, погиб во время похода на чудь, Роман был убит половцами, а оставшиеся три брата разделили между собой земли отца. Давыд как старший получил Чернигов, Олег, прозванный Гориславичем, Новгород-Северский, а самый младший, Ярослав, Муромское княжество, находившееся в Богом забытых местах. Рязань тогда была небольшим городком, а столицей земли считался древний Муром.

Со временем именно Рязань вышла на первые роли, а Муром ушел в тень. В Муроме и в Рязани княжили потомки Ярослава Святославича, в каждом городе утвердилась своя династия – в Рязани стали править потомки Ростислава Ярославича, а в Муроме Святослава Ярославича. Несмотря на то что это были два разных княжества, в исторической науке за ним утвердилось название Муромо-Рязанского. Но Муромское княжество было зависимым от Рязанского только номинально, и очень часто муромские князья конфликтовали со своими рязанскими родичами и в пику им поддерживали суздальцев. Но постепенно и эти два княжества стали дробиться на более мелкие уделы, особенно этот процесс усилился в последней четверти XII века. Первым уделом, который выделился из Рязанского княжества, был Пронский, поскольку о его князьях Никоновская летопись упоминает под 1131 годом: «*Того же лета князи Рязанстии, и Пронстии и Муромстии много Половецъ побихша*»¹ (т. 9, с. 157).

Около 1180 г. появляется свой князь в Коломне. На рубеже XII–XIII вв. возникает ещё один удел со столицей в Переяславле-Рязанском (современная Рязань). Таким образом, наиболее крупными городами княжества являлись Рязань, Переяславль-Рязанский, Пронск, Коломна. Помимо них были городки и крепости гораздо меньшие по размерам – Белгород, Ростиславль, Ижеславец, Дубок, Перевитск, Зарайск (Красное), Ожск, Ольгов, Борисов-Глебов. Несмотря

---

¹ Здесь и далее летописи по ПСРЛ (Полное собрание русских летописей).

на внешнеполитические сложности, на рубеже XII–XIII вв., население Рязанского княжества начинает осваивать незаселенные пограничные пространства бассейна верхнего Дона. Те самые места, в которые зимой 1237 года придет монгольская орда.

Современная Рязань, бывший Переяславль-Рязанский.
На переднем плане земляные валы Кремля
Фото автора

В начале XIII века рязанские властители окончательно обособились от Чернигова. Однако теперь они находились практически в вассальной зависимости от владими́ро-суз-

дальских князей. Этому предшествовала серия кровопролитных войн, завершившаяся грандиозной битвой на реке Колокше зимой 1177 года. В плен тогда попал рязанский князь Глеб Ростиславич и его сын Роман, многие бояре и воеводы. Глеб так и сгинул во владимирском порубе, а Романа со временем выпустил из заключения Всеволод Большое Гнездо. Впрочем, участь отца ничему Роману не научила, и он продолжал интриговать против суздальцев. Всеволод ему этого не простил, и Роман Глебович в компании пятерых родственников снова оказался в темнице, где и умер в 1212 году. Что же касается Рязанской земли, то она подверглась тотальному разгрому, а её столица была сожжена дотла. Со временем город возродился и отстроился, но Роман этого так и не увидел.

Вскоре число претендентов на волости и уделы в Рязанской земле резко сократилось. 20 июля 1217 года князь Глеб Владимирович и его брат Константин пригласили своего брата Изяслава и пятерых двоюродных братьев на совет в село Исады, которое находилось недалеко от Рязани. Как повествует «Рассказ о преступлении Рязанских князей»², когда гости вошли в приготовленные шатры и там начался пир, Глеб и Константин Владимировичи рванули из ножен мечи и бросились на родичей. С помощью наёмных половцев они перебили всех присутствующих. Были изрублены не только родственники убийц, но и множество бояр, слуг и дружин-

---

² Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5.

ников.

Это убийство лиходеям впрок не пошло. Родственники убитых жаждали мести, собрали войска и нанесли Глебу с Константином ряд поражений. В итоге князь Глеб всё потерял и бежал к половцам, а затем сошёл с ума. Достойная кара за совершенное злодеяние. Между тем «Рассказ о преступлении Рязанских князей» конкретно называет имена погибших на том злополучном пиру. А заодно и тех, кого тоже хотели убить, но не сумели. Это *«Изяслав, Кир Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман; Ингварь же не смог приехать к ним: не пришел еще час его»*. И здесь присутствует один очень любопытный момент.

В Галицко-Волынской летописи, которая входит в Ипатьевский летописный свод, один из убитых князей вдруг воскресает самым чудесным образом. И не просто воскресает, а принимает самое активное участие в событиях Батыева нашествия. Этот кто-то – Кир Михаил, которого галицкий летописец называет Кир Михайлович, путая тем самым крестильное имя с отчеством. Беда Галицко-Волынской летописи в том, что о событиях монгольского вторжения на Северо-Восточную Русь она, мягко говоря, сообщает не совсем точно. К тому же южнорусские летописцы были настроены явно негативно по отношению к князьям Северо-Восточной Руси. По этому поводу высказался английский историк Джон Феннел: *«С идеологической точки зрения эта летопись представляет интерес лишь постольку, поскольку явно пыта-*

ется очернить князей Суздальской земли, по отношению к которым летописец-южанин вряд ли мог питать какие-либо добрые чувства»³.

Поэтому к тем сведениям, которые сообщает Ипатьевский летописный свод, надо относиться очень осторожно. Очень часто они путаны, противоречивы и идут вразрез с общеизвестными фактами, которые подтверждаются другими летописями. И история с «*Киром Михайловичем*» тому наглядный пример.

Имя Кир на Руси очень редкое, экзотическое и практически эксклюзивное. Если бы с таким чудным именем в Рязани появился ещё какой-либо князь, то это явление обязательно было бы отмечено летописцами, поскольку Рязанская земля это не держава Ахеменидов, где подобное имя не редкость. Но Кир II в Рязани так и не объявился. Поэтому сообщение Галицко-Волынской летописи о том, что «*Кир Михайлович убежал со своими людьми в Суздаль и рассказал великому князю Юрию о приходе и нашествии безбожных агарян*»⁴, явно не соответствует действительности. Кто поведал князю Георгию о появлении монголов, мы узнаем в дальнейшем, а пока отметим лишь тот факт, что человек, которого убили в Исадах в 1217 году, этого сделать не мог. С нелепостями,

---

³ Феннел Джон. Кризис Средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. С. 118.

⁴ Здесь и далее Галицко-Волынская летопись по изданию: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997.

которые сообщает Галицко-Волынская летопись, мы ещё не раз столкнёмся, а пока продолжим рассказ о Рязанском княжестве и его отношениях с северным соседом.

Как уже отмечалось, после резни в Исадах случайно уцелевший Ингварь Игоревич становится рязанским князем. Впрочем, столь массовое убийство родственников пошло ему на пользу, потому что власть у нового князя теперь никто не оспаривал. Сократилось количество мелких уделов, ибо многие его родичи были либо убиты, либо бежали и умерли в изгнание. Воистину не было бы счастья, да несчастье помогло, поскольку в Рязанской земле, наконец, наступила тишина. Поэтому после смерти князя Ингваря в 1235 году власть без всяких усобиц перешла к его сыну Юрию: *«а по Ингваре княжиста дети его Роман, Юрьи, Олег»* (Воскресенская летопись, т. 7, с. 243). При нем ситуация в княжестве тоже оставалась достаточно стабильной. То, что мы знаем о Юрии Ингваревиче, позволяют характеризовать его с самой положительной стороны. Это был человек умный, пользовавшийся большим влиянием и уважением среди родственников, обладающий талантом военачальника и огромным личным мужеством. Юрий очень любил свою семью, был глубоко верующим человеком и уделял много внимания религии – строил храмы, привлекал в свои земли святые реликвии и т. д.

Жизнь Юрия Ингваревича до того времени, как он стал рязанским князем, нельзя было назвать лёгкой. По воле Все-

волода Большое Гнездо с 1207 по 1213 год он сидел в заключении вместе с Романом Глебовичем и другими родичами. И только после смерти Всеволода Юрий оказался на свободе. Новый великий князь Георгий Всеволодович отпустил на волю всех рязанских князей, которые томились в суздальских темницах. Поэтому вряд ли Юрий мог испытывать к князю Георгию какое-либо другое чувство, кроме благодарности, поскольку не сын Всеволода его в тюрьму сажал и не он его там морил. И как это ни парадоксально прозвучит, учитывая тюремное заключение в Суздальской земле, у Юрия Ингваревича были хорошие отношения с великим князем владимирским, который его из этого самого заключения и выпустил. Князь Юрий был признателен Георгию Всеволодовичу и никаких интриг против своего соседа плести не собирался. Молчаливо признавая его главенство, рязанский князь предпочитал опираться на военную мощь Владимира – Суздальского.

К тому времени, когда у рязанских границ появились первые монгольские разьезды, ситуация в княжестве была следующей: в Рязани правил Юрий Ингваревич, а в Коломне сидел на княжении его брат Роман. Это был человек редкой храбрости, хорошо знающий ратное дело. Коломна находилась на самой границе с Суздальской землей, и в силу этого Роман чаще остальных своих родственников общался с могущественными соседями. Князя хорошо знали в стольном Владимире. Кто княжил в Пронске и Переяславле-Рязанском.

занском, неизвестно. Возможно, что Переяславль был уделом Олега Красного.

Была среди рязанских князей ещё одна загадочная личность, как будто одного Кира было мало. Речь идет об Ингваре Ингваревиче, который является одним из главных действующих лиц в «Повести о разорении Рязани Батыем». Дело в том, что в летописях упоминания об этом персонаже отсутствуют. Мы помним, что в Воскресенской летописи конкретно прописано, что у Ингваря Игоревича было трое сыновей: Юрий, Роман и Олег. Никакой Ингварь Ингваревич не присутствует. В.Н. Татищев при описании нашествия Батыя упоминает некоего князя Игоря Ингваревича, однако этим дело и заканчивается. Некоторая информация о нём есть у Н.М. Карамзина, историк, ссылаясь на «Русский временник», говорит о том, что это был «*Ингорь (сын Ингварев)*»⁵ (с. 638).

Проблема заключается в том, что до наших дней не дошли рязанские летописи. Частично они представлены в некоторых других летописных сводах, например новгородских, но не более того. Между тем в «Повести о разорении Рязани Батыем» помимо народных преданий могли сохраниться и некоторые свидетельства местных летописей. Ещё один момент. Дело в том, что у нас совершенно нет информации о том, кто же княжил в Рязани после взятия города ордой в

---

⁵ Здесь и далее Н.М. Карамзин по изданию: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. II–III.

декабре 1237 года. Юрий будет убит в битве с монголами на подступах к Рязани, Олега захватят в плен, а Роман погибнет во время Коломенского сражения в начале января 1238 года. Причем Олега Батый отпустит на Русь только в 1252 году: *«пустиша Татарове изо Орды князя Олга Рязанскаго Ингваровичя, внука Игорева, правнука Глебова, на его отчину»* (Никоновская летопись, т. 10, с. 139). Но ведь кто-то же в Рязани должен был всё это время править! Поэтому не исключено, что это и мог быть князь Ингвар. Другое дело, что он мог быть представителем боковой ветви княжеского дома, а не обязательно приходиться родным братом Юрию, Роману и Олегу. Ведь автор «Повести о разорении Рязани Батыем» мог и напутать с отчеством князя, благо, что в его произведении давно умершие князья принимают активное участие в отражении монгольского нашествия на Рязань. С уверенностью можно утверждать одно – не все рязанские князья пали на поле боя или попали в плен, кто-то из них уцелел и восстанавливал княжество из руин.

Муромский князь Юрий Давыдович был давним союзником Георгия Всеволодовича. Он продолжал политику своего отца, Давыда Юрьевича, не раз воевавшего под стягом великого князя. В знаменитой битве на Липице муромская дружина рубилась плечом к плечу с гриднями князя Георгия. В 1228 и 1232 гг. Юрий Давыдович ходил с владимирскими полками на мордву, и вряд ли у него могли быть какие-либо разногласия с властелином Суздальской земли. Поэтому,

в свете изложенного, можно говорить о том, что накануне монгольского вторжения у рязанских и муромских князей никаких оснований для конфликта с Георгием Всеволодовичем не было. Так же как и у великого князя не было причин для недовольства соседями. Наоборот, несмотря на прошлые обиды и то, что Рязань находилась в некоторой зависимости от стольного Владимира, на данном этапе взаимоотношения между двумя княжествами были неплохие. Мало того, рязанцы имели все основания рассчитывать на поддержку со стороны князей Суздальской земли. Ведь в 1219 году, когда убийца братьев Глеб Владимирович повел на Рязань половецкую орду, Георгий Всеволодович отправил на помощь Ингварю Игоревичу и его сыновьям великокняжеские полки (Воскресенская летопись, с. 126). Рязанские князья попросили о военной поддержке и получили её. Данный факт очень часто обходят вниманием, а между тем он имеет принципиальное значение для понимания дальнейших событий.

* * *

Русь Залесская – так называли жители Южной и Юго-Западной Руси земли Руси Северо-Восточной. Начиная с Юрия Долгорукого местные князья играют всё большую роль в политической жизни страны и наконец становятся самыми могущественными правителями в Русской земле. По-

ходы на Киев, Новгород и Рязань привели к тому, что теперь судьба Руси решалась не на берегах Днепра, а на берегах Клязьмы. Пользуясь тем, что от набегов степняков их земли были защищены Рязанским княжеством, владими́ро-суздальские князья вели активную внешнюю политику на востоке. Ряд успешных войн против Волжской Болгарии и походы против мордвы привели к стабилизации ситуации на восточных рубежах. Это в свою очередь позволило великим князьям вмешаться на стороне новгородцев в прибалтийские дела. Начиная с Юрия Долгорукого они обладали огромными ресурсами и мощнейшим военным потенциалом, недаром, по словам автора «Слова о полку Игореве», полки и дружины Всеволода Большое Гнездо могли *«Волгу веслами расплескать, а Дон вычерпать шеломами»*.

После смерти Всеволода Юрьевича положение Суздальской земли пошатнулась, поскольку в ней началась ожесточенная борьба за власть между братьями Константином и Георгием Всеволодовичами. Это противостояние закончилось 21 апреля 1216 года грандиозным побоищем на Липице, где Константин победил, а Георгий потерпел поражение. Но хотелось бы обратить внимание вот на какой момент. Дело в том, что в усобице, которая началась в суздальской земле после смерти Всеволода Большое Гнездо, были виноваты совершенно другие люди, а не князь Георгий. Виновны были три человека – великий князь владимирский Всеволод III, его старший сын ростовский князь Константин и Мсти-

слав Удатный, возмутитель спокойствия и поджигатель княжеских усобиц на Руси.

Перед смертью Всеволод разделил княжество между сыновьями, дав Константину как старшему стольный Владимир, а Георгию Ростов. Однако Константин этому решению воспротивился и заявил, что ему нужны оба города. А Георгий пусть идет в Суздаль. По большому счету, в данной ситуации прав был именно Константин, поскольку мыслил как государственный муж. Он резонно полагал, что сохранив в одних руках два крупнейших города княжества, тем самым сумеет избежать дробления Владимиро-Суздальской земли на более мелкие уделы. Сохранив свою власть в Ростове и Владимире, Константин изначально становился сильнее всех своих остальных братьев, вместе взятых, и при любом конфликте мог легко подавить их выступления.

Всеволод с сыном не согласился. Судя по всему, князь на старости лет свято уверовал в собственную непогрешимость, но с другой стороны, считал, что только он имеет право распоряжаться судьбой великого княжения. Всё, чего Всеволод достиг в жизни, он достиг сам, потом и кровью добиваясь поставленных целей. В юности будущий властелин Северо-Восточной Руси даже побывал в роли изгоя, поскольку на Руси ему места не нашлось. Изгнанный своим братом Андреем Боголюбским, он некоторое время был вынужден вместе с матерью жить в Византии. Поэтому Всеволод на Суздальскую землю смотрел как на личную вотчину, которой только

он может распоряжаться по своему усмотрению. Константин этого не понял и пошел на обострение конфликта. За что и поплатился.

Всеволод был очень жестоким человеком и никогда не гнушался пролить кровь близких родственников. В свое время он велел ослепить племянников Мстислава и Ярополка. Но Константин был ему сыном, и поэтому старый князь поступил по-другому – он объявил своим наследником второго сына, Георгия. Чем и спровоцировал грядущую междоусобицу. Хотя Константин знал, на что шёл, когда противился воле Всеволода и раздувал с ним конфликт.

Георгий Всеволодович стал великим князем в обход старшего брата по воле отца своего, а не по старшинству. Поэтому, вполне естественно, что после смерти Всеволода Константин решил стать великим князем. Но и Георгий, который получил власть абсолютно законным путём, не видел теперь оснований с ней расставаться. Вялотекущая борьба шла с переменным успехом, и казалось, что ей не будет конца, но внезапно всё изменилось. Конфликт вспыхнул с новой силой, когда в него вмешался Мстислав Удатный, знаменитый воин и смутьян, большой любитель поправить свои дела за чужой счет. Затем грянула битва на Липице. Именно Мстислав и Константин несут персональную ответственность за 10 000 суздальских ратников, убитых в этой битве. Князья могли остановить бойню и отозвать своих озверевших дружинников, которые рубили беглецов и резали пленных. Но

Константин с Мстиславом этого не сделали.

В результате столь сокрушительного поражения Георгий Всеволодович оказался на княжении в Городце, что подразумевало ссылку. Однако Константин, чувствуя, что его земной путь подходит к концу, вскоре вызвал брата, дал ему Суздаль и назначил своим наследником. Константин Всеволодович прекрасно понимал, что как только он отойдет в мир иной, то его малолетние сыновья Василько, Всеволод и Владимир верховной власти не удержат. Поэтому поступил очень мудро, назначив своим преемником Георгия и отказавшись навсегда за своих детей от великого княжения. Этим он сумел сохранить за потомками Ростовский удел. Правда, с мечтой о едином и неделимом княжестве пришлось расстаться, но иного выхода у Константина уже не было.

После смерти старшего брата Георгий Всеволодович снова стал великим князем. Судя по всему, он заботился о племянниках, и они в свою очередь относились к дяде с уважением. Недаром в страшную годину нашествия Батые князья Константиновичи как один встали под его стяги. Единственный конфликт между великим князем и племянниками произошёл в 1229 году, причем главным провокатором здесь оказался младший брат Георгия, Ярослав, известный на всю Русь своим неуживчивым и склочным характером. Но Георгию Всеволодовичу удалось задушить смуту в самом зародыше и, не прибегая к силе, убедить родственников в их

неправоте. Константиновичи покаялись, а Ярослав притих, опасаясь открытого вооруженного противостояния.

Во время своего правления князь Георгий держал родню крепко, и даже его поднаторевший в интригах брат Ярослав предпочитал давать выход своей неуёмной энергии в других землях и княжествах. В отношениях с соседями Георгий Всеволодович с одинаковым успехом использовал как мирные средства, так и грубую силу, и при нём Владимиро-Суздальское княжество достигло наивысшего расцвета. После страшной битвы на Липице в апреле 1216 года и до самого монгольского нашествия Суздальская земля оставалась самым спокойным регионом Руси. Именно там выросло целое поколение, которое понятия не имело о том, что такое княжеские усобицы. В то время, когда в Южной и Юго-Западной Руси князья сражались друг с другом за волости и уделы, гибли люди, горели города и сёла, на Руси Северо-Восточной стояла тишина. Крестьяне пахали землю, торговля процветала, строились новые города, возводились белокаменные соборы. По воле Георгия Всеволодовича на Волге были основаны города Юрьевец и Нижний Новгород, причём основание последнего явилось воистину судьбоносным событием. Уже за одно это деяние потомки должны быть благодарны князю Георгию. За годы его правления люди забыли о войнах, и лишь иногда княжеские дружины ходили войной на Волжскую Болгарию, мордву и в Прибалтику. И всегда возвращались с победой.

В походы владими́ро-сузда́льские дружины водили два человека, которые пользовались исключительным доверием великого князя – его младший брат Святослав и племянник Василько Константинович. Помимо того, что были они хорошими воинами, их объединяло ещё кое-что общее. Дело в том, что тот и другой, в меру возможностей, украшали главные города своих уделов: Святослав – Юрьев-Польской, а Василько – Ростов. В 1230–1234 годах князь Святослав Всеволодович построил в столице своего княжества Георгиевский собор, ставший последним белокаменным строением на Руси перед монгольским нашествием. Что же касается Василька Константиновича, то при нем в Ростове было закончено строительство белокаменного Успенского собора, которое продолжалось целых 17 лет.

Василько удостоился от летописцев самых восторженных отзывов: *«Был же Василек лицом красив, очами светел и грозен, храбр безмерно на охоте, сердцем легок, с боярами ласков. Кто из бояр ему служил, и хлеб его ел, и пил из его чаши, и дары получал, тот из-за преданности Васильку никакому другому князю уже не мог служить. Крепко любил Василек слуг своих, мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили. Был он сведущ во всем и искусен, и княжил он мудро на отцовском и дедовском столе»* (Из Лаврентьевской летописи⁶).

---

⁶ Здесь и далее «Летописные повести о монголо-татарском нашествии. Из Лаврентьевской летописи. Из Тверской летописи» даются по изданию: Библиотека

Не менее ярко нарисовал образ этого легендарного князя и другой ученый книжник: *«Был же Василек лицом красив, очами светел, грозен взглядом, необыкновенно храбр, а сердцем легок»* (Из Тверской летописи). Ещё более восторженным панегириком разражаются составители Никоновского летописного свода: *«Василко Константинович Ростовский храбр зело, и лицом красен, и очима светел, и телом велик, и мужествен и крепок зело, и к священником много почитателен, и иноком любезен и советен, и к всем милостив, и щедр и даровит, и к боаром и слугам ласков, и бе всякому рукоделию изучен и хитр зело, и бе отнуд памятозлобен, и к согрешающим прощателен, и никто же по животе его можаше служити иному князю, не могуще забытьи любви и ласки его»* (т. 10, с. 112).

Недалеко ушел от летописцев и В.Н. Татищев: *«Сей князь Василько был телом велик, лицом красив, очи светлые, храбр в воинстве и силен, весьма знающим был многие писания, рукоделия и хитрости, милостив ко всем и незлопамятен, виновных, наказуя словами, прощал»⁷* (с. 730). Что и говорить, все характеристики сугубо положительные, и далеко не каждый князь на Руси столь лестных слов удостоился. В Ростове Василька действительно очень любили, и это особенно проявилось после его трагической гибели, когда

литературы Древней Руси. Т. 5 СПб.: Наука, 1997.

⁷ Здесь и далее В.Н. Татищев по изданию: *Татищев В.Н. История Российская*. М.: Алгоритм, 2013.

скорбел весь город. Перед нами образ рыцаря без страха и упрека, щедрого князя и храброго воина. А ростовская дружина всегда была одной из лучших в Северо-Восточной Руси, недаром в ней служили такие прославленные воины, как Александр Попович.

К началу 1237 года Владимиро-Суздальское княжество находилось на вершине могущества как в военно-политическом, так и экономическом плане. Но все эти успехи не пришли сами по себе, а напрямую были связаны с именем того, кто стоял во главе государства – великого князя Георгия Всеволодовича. *«Был Юрий милостив безмерно, помня слово господа: “Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут”. Поэтому он не дорожил своим имуществом, раздавая его нуждающимся; он строил церкви, украшая их иконами бесценными и книгами, и много городов основал, прежде всего Новгород второй на Волге в устье Оки, и многие церкви воздвиг и монастырь святой Богородицы в Новгороде. Особенно же почитал он иноков и священников, наделяя их всем необходимым. Поэтому и бог выполнял его просьбы, и было мудро правление его»* (Из Лаврентьевской летописи). Но самое главное заключается в том, что возразить против этого абсолютно нечего, поскольку двадцатипятилетние правление князя Георгия действительно было временем наивысшего расцвета и подъёма Владимиро-Суздальского княжества. Однако...

Однако всегда находятся люди, которые по определен-

ным причинам стараются исказить реальное положение дел. Как это не покажется странным, но Георгию Всеволодовичу очень не повезло в историографии. С лёгкой руки историков XIX века за ним утвердилась слава человека недалекого, обуянного гордыней и с пренебрежением смотрящего на весь белый свет: «*Великий Князь, надменный своим могуществом*» (Н.М. Карамзин, с. 507). В дальнейшем Николай Михайлович, опять-таки подразумевая Георгия, отметит, что «*Провидение, готовое наказать людей, ослепляет их разум*» (с. 507). Говоря современным языком, налицо головокружение от успехов. Впрочем, и В.Н. Татищев именно Георгия Всеволодовича считал главным виновником постигшей Северо-Восточную Русь катастрофы. Получалось, что историки решили назначить князя ответственным за все беды Руси во время монгольского нашествия.

Досталось владимирскому князю и от Н.И. Костомарова. У Николая Ивановича подход к проблеме вообще интересный, поскольку Мстислав Удатный, главный виновник страшного разгрома на Калке, по его мнению, «*лучший человек своего времени*». С другой стороны, говоря об обороне Северо-Восточной Руси от полчищ Батыя, историк отмечает, что «*защита эта была бестолковая и потому совсем безуспешная*»⁸ (с. 113). Рассказывая о гибели Рязанского княжества, Николай Иванович пишет, что «*все города этой зем-*

---

⁸ Здесь и далее Костомаров Н.И. по изданию: *Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей*. М.: СВАРОГ, 1995.

ли были истреблены дотла; страна обезлюдела, а между тем суздальско-ростовская земля не выручала её из беды и вслед за нею подверглась тому же жребию» (с. 113). А кто стоял во главе Владимиро-Суздальского княжества и, соответственно, нес персональную ответственность за случившееся, понятно и без комментариев.

В советское время эта негативная тенденция была продолжена. Основной причиной успеха монголов была объявлена феодальная раздробленность, а князь Георгий был назначен главным поджигателем междоусобиц на Руси и единственным виновником кровопролития на Липице. Зато фигура главного смутьяна и крамольника Мстислава Удатного выпала из поля зрения историков. Исходя из реалий советской эпохи, именно личность Георгия Всеволодовича должна была служить наглядным примером того, как алчность и эгоистичность князей, не думающих о благе простого народа, а заботящихся только о собственных корыстных интересах, привели Русь к катастрофе. Что нашло отражение и в художественной литературе, достаточно вспомнить замечательный роман Василия Яна «Батый». В наши дни некоторые продвинутые исследователи также не дают князю покоя. То изобразят наивным дурачком, которого мудрые монголы легко обводят вокруг пальца, то нарисуют образ трусливого и подлого человека, бросившего страну на растерзание врагам и убежавшим в глухие леса. Всех глупостей не перечислишь, да честно говоря, и не хочется.

Потому что со страниц летописей перед нами предстает совсем другой образ. Мудрого правителя и рачительного хозяина. Градостроителя и устроителя земли. Всё остальное есть лишь фантазии и домыслы, не более.

* * *

Летом 1237 года на Руси было страшное знамение, предвещающее великую беду. *«Августа 3-го около полудня начало солнце темнеть от запада, а на востоке осталось его, как луна пяти дней, и была тьма: потом с запада показался свет, а к югу потемнилось все. И после долгого часа просветилось все. От сего был страх и трепет видевшим и слышавшим людям по всей Русской земле»* (В.Н. Татищев, с. 723).

И выведет в своей келье летописец следующую запись: *«Того же лета погиге солнце по всей земли»* (Львовская летопись, т. 20, с. 156).

2. «Пришли безбожные измаильтяне, которые раньше бились с русскими князьями на Калке...» Осень 1237 г.

*В то лето придоша иноплемьнници,
глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую,
множество бецисла, акы пружи.*

Новгородская I летопись старшего извода

О том, что монголы готовят вторжение на Русь, Георгий Всеволодович знал. Для князя весь вопрос заключался лишь в том, куда они повернут своих коней. По логике вещей, главный удар степняков должен был быть направлен по Южной Руси. В пользу этого говорил тот факт, что в этом случае монголам не требовалось залезать в лесные дебри Руси Северо-Восточной, поскольку по степям они могли прийти до Днепра. Правда, в этом случае им пришлось бы воевать с половцами. Но, во-первых, воевать с ними Батю пришлось бы в любом случае, и в данной ситуации не имело значения, раньше это произойдет или позже. Во-вторых, монгольские военачальники были привычны к боевым действиям в степи и вряд ли сомневались в успехе. Но была и другая сторона медали. Дело в том, что именно с князьями Южной и Юго-Западной Руси рубился на Калке корпус Джебе и Субудая, а это имело большое значение. Князь Руси Северо-Восточ-

ной с монголами тогда в военный конфликт не вступил, и по большому счету, претензий у сторон друг к другу не было. Поэтому была большая вероятность того, что орда Батыя пойдет на запад, а не на север. По крайней мере, до 1236 года в стольном Владимире и Рязани могли на это надеяться.

Завоевание Волжской Болгарии меняло картину в корне, поскольку теперь монгольские войска выходили прямо на рубежи Суздальских и Рязанских земель. *«Тое же осени придоша отъ восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славный Великий город Болгарьский, и избиха оружьем от старца и до уного и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша»* (Лаврентьевская летопись⁹, с 437). Операциями против Волжской Болгарии руководил лично Субудай, и данный факт говорит о том, какое значение придавал Батый победе над «серебряными болгарями». Что же касается старого полководца, то у него был свой счет к этому врагу. Когда в 1223 году корпус Субудая и Джебе после победы на Калке вторгся в земли Волжской Болгарии, для монголов всё закончилось очень плохо. Болгарские военачальники перехитрили полководцев Чингисхана и заманили их в ловушку. Лучники из засад расстреливали степняков, а тяжелая конница местных феодалов изрубила мечами и растоптала конями доселе непобедимых монгольских ну-

---

⁹ Здесь и далее Лаврентьевская летопись по изданию: Летопись по Лаврентьевскому списку. Санкт-Петербург, 1897.

керов. Сам старший лис Субудай еле ноги унес после такого разгрома! И вот теперь у него появился шанс сполна отплатить за свой давний позор.

Пока тумены Субудая громили Волжскую Болгарию, сам Батый начал наступление на земли мокшы, мордвы и буртасов. Об этом сообщает Рашид Ад-Дин: *«В год курицы, соответствующий 634 г. х. (4 сентября 1236–23 августа 1237 г.), сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке, сын Угедей-каакна – Кадан, внук Чагатая – Бури и сын Чингиз-хана – Кулкан занялись войной с мокшей, буртасами и арджанами¹⁰ и в короткое время завладели ими»¹¹* (с. 38). Но успех на этом участке фронта ещё не означал, что боевые действия против народов Прикамья и Поволжья закончились. Отчаянно сражались башкиры. И хотя Батый считал, что Башкирия уже завоевана, это было не так: *«Несмотря на то, что монголы тогда завоевали её, жители её снова восстали, и она ещё не вполне покорена»* (Рашид Ад-Дин, с. 37). В Волжской Болгарии продолжали сопротивление захватчикам местные князья Баян и Джику.

Одновременно в степях развернулась грандиозная по своим масштабам война с половцами. Тумены чингизидов двинулись от берега Каспийского моря на запад и, опрокиды-

---

¹⁰ *Арджань* – эрзя, финно-угорский народ, проживающий в бассейне рек Сура и Мокша.

¹¹ Здесь и далее Рашид Ад-Дин по изданию: Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л. АН СССР. Т. II. 1960.

вая во встречах боях половецкие отряды, погнав врага к Дону. Хан Менгу разбил на Волге половецкого хана Бачмана, который вел против завоевателей партизанскую войну, захватил в плен и казнил.

Все это происходило у самых границ Северо-Восточной Руси, и местные князья должны были обратить на эти события самое пристальное внимание. По сообщению В.Н. Татищева, ещё в 1232 году волжские болгары пытались заключить военный союз с Владимиро-Суздальским княжеством: *«Болгары же прислали к великому князю Юрию объявить, что пришел народ неведомый и язык, коего прежде не слышали, весьма сильный, и просили, чтоб послал к ним помощь, обещая все его убытки заплатить. Князь великий, собрав братьев и племянников, советовался. И слыша, что татар сила велика, а болгар обессилеть полезным полагая, отказали им в помощи»* (с. 713). Как видим, великий князь Георгий это решение принимал не один, а собрал на совет своих родственников, поскольку вопрос стоял действительно судьбоносный. И ответ русских князей болгарам был взвешенным и обдуманым, а не принятым под воздействием эмоционального порыва. Потому что одно дело посылать войска на помощь своим соплеменникам, и совсем другое дело народу, с которым регулярно воевали твой дед и отец. К тому же совсем недавно закончилась очередная война между Суздальской землей и Серебряной Болгарией, и в свете этого военный союз между сторонами был невозможен

по определению. Даже если бы он был заключен, то вряд ли привел к положительным результатам.

Пример такого неудачного сотрудничества был у всех перед глазами – битва на Калке, где половцы, призвавшие русских на помощь, внесли немалую лепту в общий разгром. А затем вылавливали своих союзников по степи и беззастенчиво грабили. С другой стороны, посылать полки в чужие земли и оставлять в такое тревожное время без защиты свою страну тоже было очень опасно. И наконец, принципиальный момент – религиозный. Мусульмане Серебряной Болгарии с большим недоверием относились к православным жителям Руси и наоборот. Поэтому ни о каком сотрудничестве в военной сфере и речи быть не могло, слишком велики были противоречия, в течение длительного времени копившиеся между двумя державами. Скорее всего, именно из этих соображений и исходили русские князья, когда ответили болгарам отказом.

Вряд ли Георгий Всеволодович с братьями и племянниками испытывал тогда страх перед монголами. Об этом свидетельствует тот факт, что когда в 1236 году Волжская Болгария была разгромлена полководцами Батыея и толпы беженцев хлынули на территорию Владимиро-Суздальского княжества, великий князь беглецов принял и расселил по городам и весям. И при этом ему было абсолютно всё равно, будет Батый его действиями недоволен или нет. Властелин Северо-Восточной Руси чувствовал за собой силу, и мнение

хана его абсолютно не интересовало. Были печенеги, были половцы, теперь вот монголы. Справились с теми, одолеем и этих.

Тем не менее, размер опасности был очень велик, и князь Георгий был просто обязан принять меры для подготовки к возможному вражескому вторжению. Под 1236 годом у Татищева следует довольно интересное сообщение: *«Тогда многие советовали ему, чтоб города крепить и со всеми князьями в согласие войти к сопротивлению, на тот случай, ежели оные нечестивые татары придут на земли его, но он, надеясь на силу свою, как и прежде, оное презрел. О, зависть безумная, по Златоусту, ибо искал, когда татары других победят, великую власть получить, но за то от Бога сам наказан, ибо возгордившийся, по пророку, смирится»* (с. 723). Трудно сказать, что имел в виду Василий Никитич, когда говорил, о том, что князь отказался города крепить, поскольку каждый русский город того времени и так являлся крепостью. Усиливать же небольшие города дополнительными укреплениями не имело смысла и вряд ли бы это помогло. Другое дело – столица...

Золотые ворота и земляные валы стольного Владимира
Фото автора

Существует мнение, подтвержденное археологическими раскопками, что земляные валы Ветчаного города, которые прикрывали стольный Владимир с северо-востока, были построены Георгием Всеволодовичем накануне монгольского нашествия. А не при Андрее Боголюбском, как считалось ранее. Скорее всего, при князе Андрее естественным рубежом обороны был берег реки Лыбедь, укрепленный деревянным частоколом. Однако затем всё изменилось. Во время раскопок так называемого Зачатьевского вала, который протянулся с запада на восток вдоль берега Лыбеди и прикрывал сто-

лицу с севера, был обнаружен ряд интересных находок, которые можно датировать XII–XIII вв. Это были бытовые предметы, инструменты, керамика. К этому времени от самого вала мало что осталось, за исключением его подножия, где под слоем глины были найдены деревянные конструкции, засыпанные щепой. Причем лежащие в основании вала бревна и плахи, по мнению археологов, раньше уже использовались как при строительстве, так и при мощении улиц. Новые оборонительные сооружения строили, можно сказать, из подручных материалов. При этом строители нарушили технологию возведения земляных укреплений, когда в основание вала ставились рубленные деревянные клетки, заполненные утрамбованной землей и камнями. И только после этого вся конструкция засыпалась землей. Так же было высказано предположение, что новый вал проходил прямо по городской застройке.

Археологи пришли к выводу, что эти укрепления Ветчаного города возводились в страшной спешке. Удалось установить, что порубочные сроки используемых в строительстве бревен относятся к 1206–1216 гг., а само возведение крепости происходило осенью. И если всё это действительно так, то можно говорить о том, что Георгий Всеволодович отдавал себе отчет в том, насколько велика опасность, нависшая над Суздальской землей. В этом случае упрек В.Н. Татищева в его адрес относительно бездействия несостоятелен. Вполне вероятно, что по приказу великого князя про-

исходило строительство новых оборонительных рубежей в столице либо осенью 1236 года, когда гибла Волжская Болгария, либо осенью 1237-го, когда орда Батыея подошла к рубежам Руси.

Развивая тему о том, как великий князь готовился к войне с монголами, В.Н. Татищев сделал одно интересное замечание. Историк заявил о том, что для победы над врагом надо было Георгию Всеволодовичу *«со всеми князьями в согласие войти к сопротивлению»*. Однако возникает закономерный вопрос к Василию Никитичу, – с какими князьями? Если речь идёт о князьях Владимиро-Суздальской земли, то Георгий и так их держал на коротком поводке, и разногласий по поводу войны с общим врагом не предвиделось. В борьбе с ордой великий князь получил поголовную поддержку от всех своих родственников, которые в данный момент находились на территории княжества. Случай сам по себе довольно редкий для Руси той эпохи. Если же Татищев говорил о создании коалиции с князьями Руси Южной и Юго-Западной, то в то время это было просто нереально. Во-первых, расстояния между регионами были слишком велики, а во-вторых, политические интересы этих земель лежали в абсолютно разных плоскостях. Хотя, при определенном раскладе, даже коалиция только из рязанских, муромских и суздальских князей имела шансы остановить нашествие без помощи каких-либо союзников с юга. К тому же нельзя забывать о том, что в эту борьбу мог включиться и Господин Великий Новгород.

В этом случае шансы русских на победу возрастали многократно.

* * *

В конце осени 1237 года в Суздале Георгий Всеволодович встретился с венгерским монахом доминиканцем Юлианом, который ходил на Восток в поисках прародины венгров. Именно у Юлиана есть информация о том, в какой тревоге жили русские люди накануне вторжения и что они знали о планах Батыя. *«Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы придти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными»*¹² (с. 88).

Что можно узнать из текста этого рассказа? Прежде всего то, что именно Венгрия четко обозначена в качестве едва ли не главного приоритета похода Батыя. Однако в этом случае путь монголов опять-таки лежит через Южную Русь, но никак не через Русь Северо-Восточную. Где Венгрия и

---

¹² Письмо монаха Юлиана дается по изданию: Исторический архив. Т. III. АН СССР М.-Л., 1940.

где Владимир-Суздальский! Опять же, задержав ханских послов, великий князь явно постарался узнать от них максимум информации о планах Батыя и организации монгольской армии. Правда, не исключено, что послы могли снабдить русских заведомо ложными сведениями и сознательно ввести в заблуждение.

В какой-то степени на это указывает сообщение Юлиана о планах монголов: *«Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением зимы замерзли, после чего всему множеству монголов легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских»*. Как видим, правящей элите Суздальской земли известны даже сроки вторжения. Однако никакой ответной реакции в виде сбора полков и выдвижения их на оборонительные рубежи княжества не происходит. Почему? На мой взгляд, это называется просто – горе от ума.

С князьями и воеводами дурную шутку сыграл многовековой опыт борьбы Руси со степной угрозой. Знание того, что степняки не воюют зимой, накрепко засело в их головах и мешало в данной ситуации здраво оценить обстановку. Веками длившееся противостояние русских с кочевниками наглядно свидетельствовало о том, что беда из степи зимой не придет. Так было с печенегам, так было и с половцами. Недаром в победоносный поход 1111 года на половцев Владимир Мономах отправился именно зимой.

Можно было бросить клич и собрать все дружины и полки Суздальской земли в один кулак. Но если вторжения не последует, что тогда делать со всей этой огромной массой вооружённых людей, оторванных от своих домов? Содержание такого большого войска удовольствие очень дорогое. На одних поставках продовольствия можно было понести колоссальные убытки, не говоря уже о том, где всех ратников размещать и в какую сторону отправлять. А из этого вытекал следующий пункт – необходимо было точно определить направление главного удара монголов. Здесь тоже возникли проблемы. Свидетельствует доминиканец Юлиан: *«Ныне же находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны Запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалию. Другая же часть в южном направлении уже напала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дон, близ замка Воронеж (Ovcheruch), также княжества русских»* (с. 86).

О том, где находится четвёртая часть монгольского войска, учёный монах почему-то не упоминает. Однако через несколько абзацев Юлиан вновь возвращается к этой теме и ещё больше запутывает ситуацию. Рассказывая о великом кагане Угедее, доминиканец отметит, что *«другое же многочисленное войско послал он к морю на всех куманов, которые и бежали в венгерские края. Третье войско, как я сказал, оса-*

ждает всю Русь» (с. 87). Обращу внимание на то, что здесь речь идет не о действиях Батыя, а именно Угедея, который отправлял войска не только на Запад. На мой взгляд, здесь можно сделать вывод о том, что под третьим войском, которое «осаждают всю Русь», следует подразумевать только те воинские контингенты Батыя, о которых Юлиан рассказал до этого. «Другое же многочисленное войско», которое «воевало против команов», и есть та самая четвёртая часть, о которой доминиканец не упомянул. Оно подчинялось Батью, но в походе на Северо-Восточную Русь не участвовало. Эти тумены вели боевые действия против половцев, а их командующие приглядывали за Южной Русью, где находился князь Ярослав Всеволодович, брат князя Георгия. В 1236 году Ярослав с помощью новгородских полков захватил Киев, и монгольское командование могло опасаться удара с этого направления.

Рискну высказать ещё одно предположение. Когда Юлиан расписывал дислокацию монгольских войск перед вторжением, он отметил, что «одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалию». Вполне вероятно, что он имел в виду отряд, который нападёт на Суздальскую землю с востока. Но всё дело в том, что с этой стороны земли великого князя никто не атаковал. Вообще. Георгий Всеволодович смело снимал войска с восточного направления и посылал их на южное, что вряд ли бы делал, если б видел там угрозу. Косвенно об этом свидетельствует

следующая информация. В Суздальской летописи (по Академическому списку, т. 1, с. 515) говорится о том, что когда сын князя Георгия, Всеволод, выступил с полками к Коломне, то в состав его войск входили и «Новогороци». Говорить о том, что это был отряд из Великого Новгорода, не приходится, поскольку вряд ли бы правящая верхушка города успела в столь короткий срок собрать и отправить рать на юг. С другой стороны, господам-новгородцам не было абсолютно никакого дела до того, что творится в Рязанских и Суздальских землях. Да и новгородские летописцы, рассказывающие о битве под Коломной, не упоминают среди её участников своих земляков. Но если предположить, что это был отряд ратников из Нижнего Новгорода, то ситуация становится легко объяснимой. Появиться в рядах великокняжеской рати эти воины могли только в одном случае – если с восточной границы никакой угрозы не было. Поэтому можно предположить, что находившееся там монгольское войско было незначительным и просто выполняло отвлекающий маневр. А затем Батый и вовсе перебросил его на юг. Распылять свои силы перед вторжением монгольские военачальники не хотели и стянули большую часть своих сил на направление главного удара.

* * *

Река Калка находится далеко от Рязани, от столицы Рязан-

ской земли до неё будет примерно километров 800. В битве с монголами, которая там произошла в 1223 году, рязанские полки не участвовали, поскольку расстояние очень велико, а времени на сборы в обрез. Да и уводить войска на битву с «неведомым племенем», оставляя при этом собственные границы открытыми для половецких набегов, было глупо. Многие на Руси это понимали, но были и такие, которые смотрели на проблему иначе. Например, Михаил Всеволодович Черниговский. Хоть он и приходился рязанским князьям дальним родственником, но, тем не менее, ставил им в вину, что *«рязанские с ними на Калку не пошли»* (В.Н. Татищев, с. 725). Михаил Всеволодович был участником той роковой битвы и в отличие от многих других князей сумел выбраться из этой мясорубки живым. Будучи по складу характера человеком заносчивым, самовлюбленным и неуравновешенным, черниговский князь считал, что виноваты сокрушительном поражении русских войск не Мстислав Удатный и иже с ним, а совершенно другие люди. Например, те же рязанские князья, которые *«на Калку не пошли»*. Хотя, по большому счету, русских войск собралось для этого несчастного похода в Половецкую степь столько, что если бы ими правильно распорядились, то монголов можно было разбить несколько раз подряд.

Корить рязанцев в том, что они *«на Калку не пошли»*, было неразумно, с таким же успехом этот упрёк можно адресовать псковичам и новгородцам. При этом упуская из виду

тот момент, что когда тумены Субудая и Джебе после своей великой победы над русскими и половцами шли на Волжскую Болгарию, то они проходили вдоль рязанского рубежа. И кто знает, если бы ушли рязанские дружины на Калку и полегли там вместе с остальными русскими полками, вполне возможно, что монголы завернули бы в земли княжества. А так завоеватели прошли мимо и вторглись в земли серебряных болгар, где потерпели сокрушительное поражение. Ещё раз отмечу, что обвинять рязанских князей в том, что они не ходили на Калку биться с монголами, неправильно. В летописях информация о том, что их звали в поход, отсутствует, она есть только у В.Н. Татищева. И то озвучивает её Михаил Черниговский. Так ему вольно было говорить разные глупости, благо к ответу князя никто не призывал.

Проблема заключалась в том, что для рязанцев монголы так и остались «народом неизвестным». Рязанские воеводы не были знакомы ни с организацией их войска, ни с тактическими приемами. Кое-что они конечно могли случайно узнать от заезжих купцов или от участников битвы на Калке, с которыми могли общаться доверенные люди рязанских князей в Южной Руси. Но не более. Информация о том, как поставлено военное дело у монголов, могла бы иметь решающее значение при выработке планов по отражению вторжения.

Главным военным советником у Батыя был Субудай, тот самый, который разбил на Калке русских и половцев. Старый воин неплохо знал своих врагов и был хорошо осведом-

лен об их тактике и вооружении. Это в свою очередь давало монголам неоспоримое преимущество перед русскими, которые подобными знаниями не располагали. Поэтому и приняли ряд ошибочных решений.

* * *

Спустя 14 лет после битвы на Калке монголы вернулись и встали станами на границе рязанских земель, на реке Воронеж. Как уже отмечалось, то, что орда Батыея готовится напасть на Русь, тайной ни для кого не было. Но, как мы помним, их не ждали зимой. Ещё раз обращу внимание на принципиальный момент, который имел решающее значение: весь многовековой опыт борьбы Руси против кочевников говорил об одном – **ЗИМОЙ СТЕПНЯКИ НЕ ВОЮЮТ!** Это знали абсолютно все: и князья, и бояре, и воеводы с дружинниками, и простые люди. Особенно хорошо эта истина была известна в Рязанском княжестве, которое граничило со Степью. Да и откуда было русским людям знать, что для монголов боевые действия зимой не являются чем-то из ряда вон, что морозы в Монголии доходят до -30°C , и русская зима, пугало всех завоевателей, им нипочём!

Мы знаем, что монах Юлиан очень подробно расписал дислокацию вражеских войск накануне вторжения на Русь. Но раз это было известно монаху, соответственно, это было известно и Георгию Всеволодовичу и рязанскому князю

Юрию Ингваревичу. Однако летописец пишет следующее: «*Окаянные татары зимовали около Черного леса и отсюда пришли тайком лесами на Рязанскую землю во главе с царем их Батыем*» (Из Тверской летописи). Аналогичную информацию приводит и Устюжская летопись: «*Прииде с восточныя страны царь Батый на Рускую землю ратью со многими силами лесом, без вести*» (т. 37, с. 30). Об этом свидетельствует и Н.М. Карамзин: «**Россияне едва имели время узнать о том, когда Моголы, сквозь густые леса, вступили в южную часть Рязанской области**» (с. 507).

В приведенных выше фактах прежде всего бросается в глаза то, что враг оказался на рязанском порубежье неожиданно для русских. Сумел сконцентрировать все свои силы на направлении главного удара незаметно от врага. Судя по всему, все те войска, о расположении которых рассказывал монах Юлиан, были скрытно переброшены в одно место. Поэтому никто и не нападал на Суздальскую землю с востока. Причем русским летописцам со временем стал известен примерный маршрут движения к месту сосредоточения орды: «*пришли из восточных стран на Рязанскую землю лесом безбожные татары*» (Из Лаврентьевской летописи), «*приидоша от восточныя страны на Рязанскую землю лесом*» (Софийская I летопись, т. 5, с. 211). На этот момент монгольского похода на Русь обратил внимание и В.Н. Татищев: «*пришли с восточной стороны чрез леса на область Рязанскую*» (с. 724). Для русских неожиданностью был не

сам факт монгольского вторжения, для них неожиданностью стало то, что в конце осени 1237 года тумены Батыея оказались собранными в одном месте и полностью готовыми к боевым действиям. Андрей Лызлов очень тонко подметил этот момент внезапности, когда монголы **«яко молниина стрела безвестно притече чрез лесы к Рязанским пределом»**¹³.

Перед нами классическое скрытное выдвижение и сосредоточение войск перед атакой на ничего не подозревающего противника. Монголы далеко не первые и не последние, кто перед вторжением старается скрыть свои истинные намерения. И судя по всему, им это удалось.

Рассмотрим вопрос о том, где Батый производил развертывание своих войск перед вторжением на Северо-Восточную Русь. Летописи и «Повесть о разорении Рязани Батыем» дают привязки к конкретным местам. В Тверской летописи говорится о том, что монголы зимовали около некоего *«Черного леса»*, а затем тайком пришли к Рязанским пределам. О том, что это за лес, сказать сложно. Однако академик В.В. Каргалов высказал следующее предположение: *«Темные боры» («Черный лес»)*, которые были хорошо известны летописцам и представляли собой заметные ориентиры в степях, встречались в то время южнее границ Рязанского княжества только в пойме реки Воронеж или в междуречье рек

---

¹³ Лызлов А. Скифская история. М.: Наука, 1990. С. 22.

Воронежа и Дона»¹⁴.

Следующий пункт, связанный с подготовкой вторжения орды Батыя на Русь, это Онуза. «*Тое же зимы приидоша от восточныя страны на Рязаньскую землю, лесом, безбожнии Татарове съ царем Батыем, и пришедше сташа первое станом ту Онузе, и взяша ю*» (Воскресенская летопись, т. 7, с. 139). Симеоновская летопись добавляет немного подробностей о том, что случилось в Онузе: «*и взяша ю и пожгоша*» (т. 18, с. 54). В Новгородской I летописи старшего извода говорится о том, что после уничтожения Онузы монгольская орда расположилась в её окрестностях: «*сташа о Нузле, и взяша ю, и сташа станом ту*». Как видим, летописи единодушны в том, откуда началось наступление туменов Батыя на Рязань.

Как и с «Черным лесом», насчет местоположения Онузы ничего наверняка утверждать нельзя. Скорее всего, это был либо небольшой городок, либо маленькая крепость, расположенная на рязанском рубеже. В летописях она частенько называется по-разному – Онуза, Нузла, Нуза, даже Нухля. Исходя из схожести названий, одни исследователи полагали, что она находилась на реке Узе, являющейся притоком Суры, другие утверждали, что в бассейне реки Воронеж. На мой взгляд, именно вторая версия является правильной.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» делает существен-

---

¹⁴ Каргалов В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. С. 30.

ное дополнение к приведенной выше информации: «*Пришел безбожный царь Батый на Русскую землю со множеством воинов татарских и стал станом на реке на Воронеже, близ Рязанской земли*»¹⁵. Теперь вспомним, что писал монах Юлиан о дислокации монгольских войск: «*Третья часть остановилась против реки Дон, близ замка Воронеж (Ovcheruch), также княжества русских*». Реку Дон, о которой упоминает Юлиан, при всем желании не свяжешь с рекой Узой, притоком Суры. И тем более реку Воронеж, на которой стоял одноименный «замок». С другой стороны, когда монголы поведут наступление на Рязань, то согласно летописным свидетельствам, сначала они захватят Пронск. Что вряд ли бы произошло, если бы они наступали от реки Узы, в этом случае Пронск оставался бы западнее. Поэтому я буду исходить из того, что орда Батыев закончила сосредоточение для похода на Рязань в междуречье Дона и реки Воронеж. Что-то более определенное сказать трудно.

На это обратил внимание и А.Н. Насонов: «*И действительно: два сохранившихся известия о “Воронеже” домонгольской эпохи говорят оба о том, что какие-то места по Воронежу входили в состав Рязанской земли. Из летописной повести о нашествии Батыев видно, что под “Вороножом” могли разумеаться только места, лежащие в верхо-*

---

¹⁵ Здесь и далее «Повесть о разорении Рязани Батыем» по изданию: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997.

вьях Воронежа, так как татары пришли «лесом»¹⁶. Однако в дальнейшем историк вынужден констатировать: «**К сожалению, местоположение Нузлы неизвестно, и вопрос о том, где татары первоначально остановились, приходится оставить открытым**»¹⁷.

Как видим, только догадки и предположения...

* * *

Для чего Батый на достаточно длительный срок задержался в районе Онузы, понятно. Надо было привести в порядок тумены, дать отдых нукерам перед предстоящими боями, пополнить конский состав и подлечить раненых. Упорные бои с половцами, «серебряными болгарами», мордвой, мокшей и буртасами не прошли для монголов бесследно. Перед решающим броском нужно было сделать паузу, и Батый с Субудаем её сделали. С другой стороны, как свидетельствует монах Юлиан, монгольские полководцы ждали, когда замерзнут реки, чтобы по ним можно было проникнуть во внутренние области Северо-Восточной Руси. Но чтобы противник до поры до времени ничего не заподозрил, в Рязань было ре-

---

¹⁶ Насонов А.Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование»: АН СССР; Москва, 1951. С. 202.

¹⁷ Насонов А.Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование»: АН СССР; Москва, 1951. С. 212.

шено отправить посольство.

Автор «Повести о разорении Рязани Батыем» дал очень меткую характеристику этому посольству, назвав его участников **«послы безделны»**. Тем самым сразу же пояснив, что толку для русских от этого посольства не предвиделось изначально, поскольку нападение на Рязанскую землю было уже давно спланировано. На это указывает и состав посольства, которое было отправлено из Онузы монголами: *«И оттуда послали своих послов, **женщину-чародейку и двух татар с ней**, к князьям рязанским в Рязань»*. Воистину послы были **«безделны»**, поскольку на встречу с Юрием Ингваревичем и его родственниками отправляется некая **«женщина-чародейка»**, а с ней неизвестно кто. Летописцы этих сопровождающих даже знатными людьми не называют, а они такие факты всегда четко фиксировали. Всё это лишний разговорит о том, что не для переговоров ехали эти чудаки. Ведь их целью было не только дать время монголам подготовиться к вторжению и усыпить бдительность рязанцев, но и попытаться внести в ряды князей смуту и разлад. А заодно и разведать обстановку.

В Рязани оказались не так просты, как казалось Батюю и его окружению. Князь Юрий послов выслушал внимательно и только головой покачал в ответ на их непомерные требования. А требовали монголы от него немало: *«каждого десятого из князей, десятого из людей и из коней: десятого из белых коней, десятого из вороньих, десятого из бурьих, деся-*

того из пегих, и десятой части от всего

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.